ВЕРА МОРОЗОВА

МЕЖДУ ПЕПЛОМ И ИНЕЕМ

Любовь и война на краю Седого Разлома

МАГИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ ◆ РОМАН О ЛЮБВИ И ВОЙНЕ

Вера Морозова
Между Пеплом и Инеем

https://litres.ru/74747943
SelfPub; 2026

Аннотация

Четырнадцать лет армии Северного Свода и Вольного Кряжа рвут друг друга у Седого Разлома. Когда хрупкое зимнее перемирие сводит выпускников враждующих школ на ремонт древней плотины, семнадцатилетняя отличница Варя Лосева, несущая клеймо дочери предателя, и дерзкий пилот Кряжа Кир Соболев случайно замыкают запретный Парный Контур.

Теперь холод её магии питает его пламя, а каждый шаг врозь отдаётся чужой болью под кожей. Пряча светящийся шов от командиров и ревнивых товарищей, Варя и Кир находят следы чудовищного заговора: обе армии готовятся обрушить плотину, приговорив и долины, и собственных курсантов. Но как спасти два берега, если сердце рвётся между долгом, шпионской тайной и первой любовью, за которую на обоих берегах положен расстрел?

Содержание

Глава 1. Два берега под одним льдом 4
Глава 2. Запах гари и медной стружки 16
Глава 3. Синий и алый под рукавом 28
Глава 4. Урок холодного счёта 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Вера Морозова
Между Пеплом и Инеем

Глава 1. Два берега под одним льдом

У самого края Седого Разлома санный обоз сбавил ход, и железо полозьев запело по насту так тонко, будто под снегом натягивалась ледяная струна. Варя Лосева откинула край плотного суконного капюшона, прижалась плечом к холодной стенке фургона и перехватила поудобнее кожаный ремень сумки. Внизу, за каменным парапетом серпантина, провал ущелья тонул в сером февральском тумане, из которого поднимался не речной шум, а глухой, сырой гул: где-то там, в глубине расщелины, старая плотина держала на себе половину зимы.

Напротив неё, сгорбившись над окованным жестью ящиком с инструментами, сидел Тёма Окунев и уже в четвёртый раз протирал шерстяной варежкой стёкла круглых очков. Щёки у него порозовели от сквозняка, но кончик носа оставался белым, как мел.

«Опять рукав не затянул, Тёма», негромко сказала Варя, кивая на его правое запястье, откуда выглядывала полоска

вышитого серебряной нитью рабочего контура. «Нам ещё до развода не хватало поймать откат от встречного ветра. Двинешь рукой неловко, и спустишь заряд прямо в рессору».

Тёма торопливо дёрнул манжету, захлопнул крышку ящика и виновато усмехнулся: «Не сдвину, Варь. Я ещё на последнем привале балластный стержень в соль воткнул. Ты лучше скажи, правда, что кряжевские уже третьи сутки на той стороне костры жгут прямо на гребне? У нас в мастерских болтали, будто они даже в мороз ходят без контурных шинелей, на одном перекале греются».

«Брехня», отрезала Варя, хотя сама поймала себя на том, что пальцы её левой руки непроизвольно сжались на груди, нащупывая под воротом кителя жёсткий холодок медной цепочки. «Закон смещения одинаков по оба берега. Будешь греться собственной кровью без сброса, к утру на носилках вынесут с сухими жилами. Просто у них меньше дисциплины и больше спеси».

С передней скамьи обернулся Всеволод Корсаков. Он ехал спиной к лошадям, но и в тряском фургоне сидел прямо, будто на смотровом плацу в Велеграде. Синее офицерское сукно на его плечах не смялось ни на палец, светлые волосы были зачёсаны гладко, и только серые глаза смотрели поверх голов курсантов чуть устало, как у человека, который давно знает цену чужой суете.

«Про спесь ты верно заметила, Лосева», произнёс Сева ровно, не повышая голоса, однако в тесном фургоне стихли

даже шёпоты на задней лавке. «У горцев три года не было ни нормального литья, ни серебряного припоя. Когда перемирие закончится, их разгон захлебнётся за две недели осады. Наше дело здесь простое: выправить несущие затворы, снять нагрузку с северной пяты и не подпускать никого из восточной башни к старым чертежам».

Он задержал взгляд на Варе на полсекунды дольше положенного, и двое старшекурсников у двери тут же переглянулись. Варя отвела глаза к мутному слюдяному окошку. С первого курса в училище привыкли считать, что покровительство младшего Корсакова должно служить ей щитом: без него фамилию Лосевой давно бы смешали с грязью за тот ноябрь у Красного Брода. Она помнила об этом. Помнила каждый раз, когда кто-нибудь из благородных юнкеров «случайно» задевал её локтем в столовой или когда майор Веденеева проверяла её тетради дважды, ища ошибку в расчёте. И всё же от этого тихого, собственнического тепла в голосе Севы у неё всякий раз сводило лопатки.

Обоз выехал на каменный мост перед воротами форта «Шлюз», и воздух вдруг переменился: пахнуло мокрым известняком, угольным дымом и пресной водой, схваченной льдом. Сама плотина открылась разом, во всю ширину ущелья. Она не казалась ни красивой, ни величественной, как на акварелях в велеградском зале славы: огромная, потемневшая от веков каменная стена перегораживала каньон от скалы до скалы, иссечённая трещинами, железными скобами и

свежими заплатами из серого цемента. С северной стороны над ней вздымалась приземистая башня Свода с узкими бойницами, а по правому, восточному краю, за широким плацем, темнела угловатая громада Восточной Башни, из труб которой валил густой бурый дым.

Роту высадили на Верхнем Плацу. Снег здесь утоптали до твёрдой грязной корки, а по краю каменного парапета уже тянулась натянутая канатная лента, делившая площадь ровно пополам. На той, восточной стороне, возле коновязи и длинных дощатых навесов, возились люди в промасленных кожаных куртках без эполет и знаков различия. Кто-то катил по доскам медные баллоны, кто-то хохотал так громко, что эхо отскакивало от отвесной скалы, а двое парней прямо посреди мороза тащили на руках длинное, обтянутое пропитанной тканью крыло учебного планера.

«Рота, равнение на правое крыло!» раздался сухой, как треск ломающегося наста, голос майора Агнии Веденеевой.

Веденеева стояла на крыльце Северной Башни без полушубка, в одном суконном мундире, и даже на ледяном ветру не морщилась. Седые пряди выбились у неё из-под меховой шапки, на правой щеке темнела старая синеватая полоса изморози: память о первой кампании под Заречьем. Кадеты вытянулись в две шеренги так быстро, что скрипнула кожа ремней.

«Вы пришли не на курорт, господа кадеты», сказала майор, обходя строй медленным шагом. «Плотина держит четы-

ре миллиона кубов воды. Если к весеннему паводку верхние шлюзы заклинит от сдвига плит, вода пойдёт через гребень на оба берега. По этой причине Совет постановил допустить к ремонту сводный отряд Кряжа. Повторяю приказ командующего: никаких разговоров сверх технической надобности. Никаких споров о прежних боях. Входить в общую частоту с магами противоположной стороны запрещено. Нарушивший устав в тот же час отправляется под трибунал как изменник».

Она остановилась перед второй шеренгой, прямо напротив Вари, и чуть прищурилась: «Лосева, Окунев и корнет Корсаков. Сдадите вещевые мешки дневальному и немедленно на осмотр разводного пролёта. Горцы уже сняли кожухи с центрального замка без нашего допуска. Проверьте нагрузку на опорах».

«Есть, госпожа майор», чётко откликнулась Варя, не дрогнув ни одним мускулом лица. Даже когда за спиной кто-то еле слышно хмыкнул, она не обернулась.

Тёма зашептал ей на ходу, пока они переступали тяжёлые кованые пороги разводного моста: «Слышала? Без нашего допуска полезли! У них, небось, даже нормальных кварцевых щупов нет, меряют всё на глаз да по звону кувалды».

«Меньше болтай, Тёма», оборвала его Варя, доставая из внутреннего кармана шинели свой серебряно-кварцевый камертон. Полированный стержень лёг в ладонь привычным, холодным весом. Она чуть тронула контур на рукаве, собирая внимание, и от камня под ногами в пальцы сразу пошла

тонкая дрожь: плотина жила, тянула, скрипела под тяжестью льда, будто старый корабль на зимней стоянке.

На середине широкого пролёта, у чугунной решётки над самой пропастью водосброса, действительно копошились трое из Кряжа. С одного края стоял рослый, широкоплечий парень с обветренным добродушным лицом, державший на весу тяжёлый гаечный рычаг так легко, будто это была хворостинка. Рядом на корточках сидела рыжая девчонка в кожаной повязке поверх короткой стрижки; на поясе у неё торчали сразу два медных камертона с тёмными обсидиановыми вставками, а на скуле чернело свежее пятно печной сажи. А третий нависал прямо над открытым колодцем лебёдки, свесив туда зажжённый переносной фонарь на цепи.

«Эй, там, у лебёдки», окликнул его Сева с таким спокойным, хозяйским превосходством, от которого у Вари свело зубы. «Допуск на вскрытие центрального кожуха подписывается в обеих комендатурах. Закройте люк и отойдите на три шага от цепи».

Парень у колодца поднял голову неторопливо. Высокий, сухопарый, с тёмными растрёпанными волосами, выбившимися из-под сбитой на затылок шапки. Куртка его была пропалена в двух местах у правого бока и грубо залатана светлой кожей, зато глаза оказались неожиданно светлыми, почти янтарными на фоне обветренной смуглой кожи, и в них тут же вспыхнула насмешливая искра.

«Три шага, благородие?» протянул он, поднимаясь и вы-

тирая вымазанные сажей ладони о край куртки. На его левой кисти, прямо по сгибу, белел жёсткий, стянутый рубец старого ожога. «А если я четыре отойду, плотина сама себя на болтах удержит? У вас там на башне чернила замёрзли, пока допуск несли, а здесь на третьей шестерне вал скрутило. Если его не поджать до темноты, завтра по весне ваши синие сапоги уплывут в долину раньше канонерки».

Здоровяк с гаечным ключом фыркнул в кулак, а рыжая девчонка вскочила с корточек с таким видом, будто готова была с разбегу толкнуть Севу в проём.

«Воронова, молчи», бросил ей высокий, даже не обернувшись. Его взгляд скользнул мимо Севы прямо на Варю, которая уже подошла к самому краю колодца и навела на ржавую шестерню свой кварцевый стержень. «А вот у барышни с линейкой, гляди-ка, глаза на месте. Ну что, умница, сколько тонн на зубе висит?»

Варя не удостоила его ответом сразу. Она опустилась на одно колено на холодный настил, прижала ладонь к чугунному кожуху и чуть тронула контур Стяжения, выпуская крошечный пробный импульс. Холод скользнул по пальцам к запястью, забрав тепло из крови; Варя выдохнула белое облачко пара и почти сразу услышала внутренний, сухой отзвук металла. Трещина шла не по самой шестерне, как кричал горец, а глубже, в коренной бронзовой втулке, которую уже кто-то пытался прогреть открытым пламенем, отчего металл пошёл мелкой сеткой.

«Вы грели втулку Разгоном», сказала Варя резко, поднимаясь и отряхивая колени шинели. «При таком перепаде температур на сыром чугуне любая раковина раскрывается вдвое. Если бы вы провернули рычаг ещё на пол-оборота, зуб бы сорвало вместе с тормозным пальцем. И тогда внизу сейчас выбило бы первый затвор».

Усмешка на лице парня мгновенно погасла. Он нагнулся к колодцу, сам посветил фонарём на корень втулки и чуть сдвинул брови. Пальцы его правой руки машинально закрутили между фалангами маленькую медную гайку, будто это помогало думать быстрее.

«Мы не грели её сегодня», отозвался он уже без всякой издёвки, тише и жёстче. «Когда я снял кожух час назад, копоть уже была под крышкой. Старая. Или чужая».

«Хватит басни травить, Соболев», встряла рыжая Воронова, делая шаг вперёд и глядя на Варю так, будто та лично подожгла её дом. «Может, их синие инженеры ещё вчера сюда сунулись, чтобы потом на наш берег свалить поломку. Нашли кого слушать!»

«За своим языком следи, горская», резко шагнул вперёд Сева, положив руку на рукоять ножен камертона. «Ещё одно слово про наш гарнизон, и я лично передам рапорт твоему сотнику».

Воздух между двумя группами затрещал от глухого напряжения. Спина Вари напряглась; она видела, как побледнел и попятился за её плечо Тёма, как широкоплечий парень

перехватил свой тяжёлый ключ поудобнее. Вот она, вся хвалёная дипломатия перемирия: шесть подростков на одном узком мосту и спичка над пороховым погребом.

«Сева, стой», сказала Варя сухо. Она сделала шаг вперёд, вплотную к Соболеву, так что между ними не оставалось и вытянутой руки, и резко указала носком сапога на край смотровой крышки. «Смотри на срез шпильки. Срублено недавно, свежий металл блестит без патины. Кто бы это ни трогал, кожух вскрывали ещё вчера ночью. Составь акт, как велит устав, и не устраивай цирк на ветру».

Соболев смотрел на неё сверху вниз с неожиданной, цепкой внимательностью. Воротник его куртки пах дымом берёзовых поленьев, морозным железом и горелой медью. Когда ветер рванул вверх из ущелья, край вариного шарфа сполз с воротника шинели, обнажив тонкую медную цепочку у самой яремной впадины.

Соболев мгновенно заметил блеск чужого металла. Взгляд его светлых глаз сузился, уголок рта дёрнулся в странной, недоверчивой усмешке: «А ты гляди-ка, отличница. Медь носишь? У ваших же в Велеграде за медь на шее, говорят, с курса выметают, как за кряжевскую заразу».

Варя рывком запахнула воротник и, не сдержавшись, ударила кончиком своего кварцевого камертона по краю чугунной рамы, сбрасывая остаток заряда Стяжения. Она сделала это лишь для того, чтобы осадить его и закрыть разговор, но в ту же секунду Соболев машинально перехватил тяжёлую

крышку люка рукой в тонкой перчатке с медной обмоткой.

Между серебряным наконечником её инструмента и медью на его ладони проскочила сухая, почти невидимая сине-алая нить. Не удар и не ожог, а внезапный глухой звон, отозвавшийся у Вари прямо под левой ключицей, словно кто-то ударил в тонкую стеклянную чашу внутри груди.

Она вздрогнула и отдёрнула руку первой. Соболев замер с открытым ртом на долю секунды, резко сжал кулак и тряхнул кистью, будто обжёгся крапивой. Ни Тёма, ни Сева в порыве ссоры ничего не заметили, только рыжая Воронова подозрительно прищурилась, глядя, как Кир прячет руку в карман.

«Не смей подходить к нашему контуру, горец», выговорила Варя сквозь зубы, чувствуя, как сердце бьётся неровно и часто, хотя холодный ветер должен был остудить кровь. «Окунев, забирай замеры. Мы уходим».

«Иду, Варь, иду», засуетился Тёма, поспешно закрывая латунный короб.

Уже уходя с моста к Северной Башне под пристальным молчаливым взглядом Севы, Варя ни разу не обернулась. Но между лопаток у неё всё ещё саднило от странного чужого тепла, будто сквозь зимнее сукно шинели она на мгновение коснулась раскалённой дверцы печи.

Вечером, после короткого ужина из перловой каши и солёной говядины в холодной сводчатой столовой, ей не повезло вдвойне. На вечернем построении майор Веденеева зачитала наряды, и Сева, стоявший у штабного стола с листком

докладов, даже не посмотрел в сторону Вари, когда майор выкрикнула её фамилию.

«Лосева, в ночной обход нижних дренажных затворов с полуночи до двух. Проверишь давление на третьем и четвёртом кессонах, отчитаешься о сырости на стенах. Заодно подумаешь, стоит ли на мосту вступать в препирательства без рапорта».

Девушки из первого взвода сдержанно хихикнули в воротники, когда строй распустили. Варя молча взяла на вахте тяжёлый масляный фонарь, запасной балластный стержень и спустилась по скользкой винтовой лестнице в каменное брюхо Плотины.

Здесь, на глубине тридцати саженей под плацем, война казалась ещё тише и страшнее. Вода гудела за толщей кладки глухо и тяжело, точно огромный зверь ворочался за каменной дверью. Из стыков сочилась ледяная капель, превращая узкий настил в чёрное зеркало. Варя шла осторожно, проверяя ладонью каждый вентиль, записывая показатели в клеёнчатую тетрадку. Второй кессон был сух. Третий дышал сырым туманом, но стрелка манометра держалась в зелёной зоне.

А когда она подошла к массивной железной двери четвёртого кессона, то остановилась так резко, что качнулся язык пламени в стекле фонаря.

С той стороны толстого, обитого сталью проёма доносился тихий, отчётливый, вибрирующий звук. Кто-то в полной

темноте пробовал металл глухим, медным камертоном Разгона, и эта низкая тягучая нота отозвалась у Вари на шее под кителем таким явным, живым дрожанием отцовского стержня, что она на миг забыла, как дышать.

Глава 2. Запах гари и медной стружки

В Восточной Башне никогда не бывало тихо, и именно по этому шуму Кир Соболев безошибочно узнавал, что дышит свободным воздухом, а не казённой плесенью Свода.

Стоило переступить порог казармы, как на него навалился густой дух соснового дёгтя, жареной картошки с луком, пропотевшей овчины и раскалённой канифоли, которой техники паяли контактные нити на перчатках. На длинных сосновых нарах у окна двое младших курсантов спорили о том, сколько пудов пороха выдержит носовая балка планера в пикировании, а у чугунной печки Данила Хват вертел на железном пруте чёрный чугунок, приговаривая что-то себе под нос с видом главного повара полка.

«Наконец-то, командир», крикнул Даня, заметив Кира в дверях, и широко ухмыльнулся во всё веснушчатое лицо. «Я уж думал, ты там у синих на мосту в почётный караул прирос. Яна вон полчаса зубами скрипела, чуть твою запасную паяльную лампу в печку не швырнула».

«Не ври, Хват», отозвалась Яна Воронова с соседней табуретки. Она сидела, закинув ногу на ногу, и острым шилом чистила пазы своего второго камертона. Рыжие короткие вихры сбились на лоб, а в тёмных глазах всё ещё тлело

утреннее бешенство. «Если бы не та синяя фифа со своей линейкой, мы бы уже сняли прокладку и знали, какая сволочь там втулку подпалила. Видел, как она нос задрала? Наверняка сама из генеральских дочек».

«Из дочек дезертира она», коротко ответил Кир, снимая промёрзшую куртку и бросая её на перекладину над печкой. «И нечего на неё бросаться в три прыжка, Яна. Девка глазастая, срез шпильки заметила раньше, чем их белобрысый корнет рот открыл. А вот почему наша левая рука до сих пор ноет от её палки, это другой вопрос».

Он сунул правую ладонь в карман за медной гайкой и только тут поймал настороженный взгляд Яны: она не забыла ту вспышку на мосту. Кир не успел ничего добавить, потому что дверь из каморки командира приоткрылась, и на пороге появился дневальный с коротким кивком: сотник Власов зовёт Соболева одного.

Кабинет Демьяна Власова в Восточной Башне напоминал не штаб, а медвежью берлогу: на голых каменных стенах висели карты Седого Разлома, обтянутые ремнями свёрнутые крылья запасного парашюта, а на узком столе рядом с жестяной кружкой дымилась толстая восковая свеча. Сам сотник, кряжистый сорокалетний горец с седыми висками и глубокой вмятиной над правой бровью от старого осколка, даже не поднял глаз от потрёпанного журнала, когда Кир вошёл и закрыл за собой дверь.

«Слышал, вы на разводном уже успели с синими полаять-

ся», произнёс Власов хрипло, откладывая карандаш. «Зря. Мне здесь шум раньше времени не нужен. На той стороне сегодня высадилась Лосева Василиса, дочь того самого Андрея Лосева, что командовал вторым инженерным участком у Красного Брода».

Кир насторожился, чувствуя, как холодок подбирается к пояснице: «И что с того? Свои же его и заклеймили предателем».

«Люди болтают одно, архивы хранят другое», отрезал Власов, поднимая на Кира тяжёлые, немигающие глаза. «За два месяца до гибели Лосев перебирал главные замки здесь, на Плотине. Есть сведения, что он забрал с собой аварийную таблицу-шифр от перепускных колец, без которой наш сапёрный отряд не сможет вовремя открыть нижние створы, когда весной тронется лёд. Девчонка везде таскает на шее отцовскую медь. Наверняка в той же ладанке или в дорожном коробе спрятаны и записи. Твоя задача простая, Соболев: приглядись к ней на общих нарядах, найди повод подобраться к её вещам и сними оттиск шифра до новолуния».

Кир застыл. Пальцы в кармане сжали медную гайку так, что грань впилась в подушечку большого пальца.

«Я техник и разгонщик, товарищ сотник, а не щипач по чужим сундукам», сказал он тихо, но твёрдо. «Отправьте разведчика из штабной сотни».

Власов чуть подался вперёд через стол, и свет свечи высветил под его воротником сухую, глянцевую корку старого

перекала на ключице: цену многих лет войны.

«Штабные на виду, их белобрысый Корсаков в тот же день вычислит. А ты молодой, наглый, с тобой на технических работах сталкиваться ей придётся каждый день. И вот ещё что, Кирилл: сегодня из Трёх Очагов пришла почтовая сводка. Если к утру не начнёшь дело, мне придётся вернуть в передовой штурмовой взвод под Отрог двоих из твоей группы, чтобы закрыть прореху в нарядах. Скажем, Воронову и Хвата. Там сейчас жарко, снегу по колено, а отбивать разгон приходится живым телом. Думай сам, что тебе чище: чужую тетрадку глянуть или друзей в мясорубку проводить».

В горле у Кира пересохло. Он знал, что Власов не шутит: в прошлом ноябре сотник точно так же перевёл двух спорщиков на высоту, откуда вернулся только один, да и то на волокуше без ног.

«Понял», выдавил Кир, отворачивая взгляд к карте. «Не трогайте Даню с Яной. Я сам посмотрю, что у неё под замком».

Выйдя из каморки, он не вернулся к печке, где Даня звал его делить кашу. Вместо этого Кир забрал со стойки кожаный футляр с инструментами и спустился в крытый ангар у восточной опоры, где стояли три разобранных планера Кряжа. В высоком холодном сарае пахло льняным маслом, сырой резиной и древесной стружкой. Через полчаса туда всё-таки приплёлся Даня с двумя мисками завёрнутой в тряпку горячей картошки.

«Ты чего как волк в угол забился?» спросил Даня, протягивая деревянную ложку и присаживаясь прямо на ящик с тросами под крылом «Стрижа». «Старик сильно взгрел из-за моста?»

«Не из-за моста», буркнул Кир, принимая миску, хотя аппетита не было вовсе. Он погладил кончиками пальцев гладкий край деревянного лонжерона «Стрижа», старой машины, которую они с Даней вдвоём перебирали всю осень. «Велит на ту сторону приглядываться. Говорит, перемирие это гнилое, как прошлогодний настил».

Даня вздохнул, жуя хлеб, и посмотрел на обтянутое серым полотном крыло: «Так и дураку ясно, что гнилое. Знаешь, Кир, мне иногда снится, будто весной здесь всё растает, и мы с тобой на этом «Стриже» махнём через реку не бомбы кидать, а просто глянуть, как у них там люди живут. У меня ж дядька до войны в Нижнем Посаде мельником служил, говорил, там пироги с черникой пекут с целую сковороду. Неужто у них все такие, как этот вылизанный корнет?»

«Все не все, а по ночам лучше глаз не смыкать», усмехнулся Кир невесело. «Слушай, Хват, прикрой меня на поверке, ладно? Скажешь дежурному, я пошёл с фонарём проверять нижний дренажный колодец под четвёртым быком. Если у синих на вахте сегодня та Лосева, гляну, куда она сунется на обход».

«Осторожнее там», посерьёзнел Даня. «Яна видела, как на мосту между вами искра стрельнула. Она ревнует, дура, да и

за тебя боится. Говорит, ты после прошлогоднего полигона всё равно на край лезешь, лишь бы доказать, что не сгорел».

«Я не сгорел», коротко отрезал Кир и встал.

Около полуночи он выскользнул в нижний боковой штрек по каменной лесенке, знакомой по утреннему осмотру. Фонарь он зажигать не стал сразу, шёл на ощупь вдоль сырой кладки, привыкший к темноте подземных рудников под Тремя Очагами. На глубине пахло ржавой водой и холодным известняком. Когда до четвёртой железной переборки оставалось шагов тридцать, Кир достал свой медный камертон и легонько тронул вилочкой каменную стену.

Разгонщик редко пользуется слухом, как синие: те привыкли выстукивать плотность льда. Но Кира ещё брат научил определять по звуку пустоту за кладкой. Первая нота ушла в камень ровно. Вторая вдруг дрогнула, зазвенела выше, чище, будто за железной дверью кто-то ответил на той же волне, только с обратным знаком холода.

Кир замер, прижимая палец к вилке камертона, чтобы заглушить звон. Через три удара сердца тяжёлая дверь четвёртого кессона с той стороны резко распахнулась, и в глаза ему ударил яркий желтоватый свет масляного фонаря.

«Стой на месте», выдохнула Варя Лосева, мгновенно вскидывая левую руку с зажатым кварцевым стержнем. У неё над воротником поблескивала та же цепочка, и на фоне каменной сырости лицо её казалось бледным, как мел, только в глазах горела упрямая злость. «Что ты забыл в северной

секции дренажа, Соболев? Здесь наш обход!»

«Твоя правда, барышня, только труба эта общая, и клапан срывает по всему нижнему поясу», ответил Кир, поднимая пустые ладони на уровень плеч и шаг за шагом входя в свет фонаря, чтобы разглядеть, не носит ли она при себе кожаного тубуса или тетради. «Опусти свою стекляшку, а то заморозишь воздух, и мы оба тут к стене примёрзнем».

«Я задала вопрос», отрезала Варя, не опуская руки. «Вы и здесь решили без допуска вскрывать втулки?»

«Слушай, у тебя кроме устава в голове хоть что-нибудь помещается?» взорвался Кир, делая ещё шаг вперёд. «Днём на втулке кто-то свежую шпильку срезал! Я спустился проверить, не лез ли кто в четвертый колодец снизу. А ты чего тут одна торчишь? Твой важный жених наверх пить чай пошёл и тебя в подвал сослал?»

«Он мне не жених!» вспыхнула Варя так резко, что от её рукава потянуло ледяным сквозняком. «И тебя не касается, почему я здесь!»

Именно в эту секунду над их головами, где-то в толще проходной трубы под сводом, раздался сухой железный щелчок, похожий на выстрел лопнувшей рессоры.

Оба инстинктивно задрали головы. Массивная бронзовая задвижка верхнего перепуска сорвалась с сорванной резьбы, и через широкий проём в потолке с оглушительным, утробным рёвом хлынула чёрная ледяная вода из сбросной трубы.

Первая волна сбила фонарь из руки Вари; стекло разле-

телось вдребезги, огонёк погас, и в полутьме остался только мутный зеленоватый блеск аварийной фосфорной метки над задраенной внешней дверью, через которую минуту назад вошла Варя. Вода за секунду дошла до щиколоток, обжигая так, что перехватило дыхание. Напор бил с такой силой, что тяжёлая стальная переборка за спиной Вари захлопнулась с лязгом, и запорный клин с внешней стороны упал в паз намертво!

«Дверь!» крикнула Варя, бросаясь назад, но поток швырнул её прямо на скользкую стену. Вода уже стояла по колено, ледяная каша затягивала полы шинели вниз.

Кир прыгнул следом, вслепую схватил её за шиворот и дёрнул из-под самой струи. Он прижал её спиной к сухому углу за выступом опоры и всем телом навалился на стальную дверь, пробуя сдвинуть засов изнутри. Бесполезно: перекос рамы и наружный штырь держали её наглухо. А с обратной стороны, со второго хода, куда вёл его собственный лаз, железная решётка перепуска уже оказалась накрыта обрушившимся сверху клином льда и камней!

«Не выбьешь!» задыхаясь, выкрикнула Варя, глядя в его мокрое лицо в тусклом зелёном отсвете. Вода поднялась до пояса; от нечеловеческого холода у неё уже дрожали губы, но голос звучал чётко. «Задвижку наверху подпилили. Как и шпильку днём! Нас сейчас затопит по самый свод, если не заткнуть пролом в трубе!»

«Заткнуть чем?!» проорал Кир поверх рёва потока, вски-

дывая обе руки к потолку, откуда хлестал водяной столб. Он сорвал перчатки зубами, сжал медный камертон и ударил Разгоном вверх, пытаясь расплавить и осадить край трубы или раскалить запорный клин на двери.

Жар рванул из его груди жгучей иглой. Вокруг ладоней вспыхнуло оранжевое марево, на секунду осветив тёмный свод. Но сырой каменный склеп и ледяная вода сожрали жар мгновенно: металл двери зашипел паром, однако промёрзший чугун не поддался, а у Кира по предплечью тут же расползлись первые чёрно-багровые полосы перекала. В глазах заплясали алые мушки, нос обдало густым металлическим вкусом крови. Один он не расплавит клин раньше, чем сгорит сам или захлебнётся.

«Назад!» крикнула Варя и, не спрашивая разрешения, шагнула вперёд прямо под ледяную струю, оттеснив его плечом. Она вскинула свой серебряно-кварцевый камертон и ударила Стяжением вверх, прямо в горловину лопнувшей трубы.

Ледяная пробка начала стремительно расти с краёв пролома, схватывая пенный поток белым хрусталём. На секунду рёв стих наполовину, давая им вздохнуть. Но давление в трубе сверху было чудовищным: пробка трещала под напором воды, как тонкое оконное стекло. Варя пошатнулась; даже в полумраке Кир увидел, как её пальцы до самых костяшек посинели от изморози, как мелко затряслось её плечо, когда холод полез по сосудам прямо к сердцу. Ещё десять

секунд такой отдачи, и она замерзнет насмерть прямо стоя, а пробка лопнет и накроет их с головой.

«Умрёшь, дура!» рявкнул Кир. Он не стал оттаскивать её, зная, что в такой воде они не продержатся и трёх минут. Надо выбить клин двери, пока её пробка держит напор!

Но его собственный контур уже горел изнутри сухим огнём, перекал душил горло. И тогда, глядя, как Варя из последних сил держит левой рукой ледяной упор, Кир перехватил её правое запястье своей обожжённой левой ладонью, сжимая кожу поверх тонкого сукна рукава.

«Отдай мне холод!» выдохнул он ей прямо в ухо, ставя собственный медный камертон впритык к её серебряному стержню на замке двери. «Не гаси! Сбрось откат в мою сторону!»

Варя повернула к нему искажённое судорогой лицо. За секунду до смерти страх и гордость исчезли без следа; остались только два зрачка, расширенных до черноты, и понимание инженера, который слышит единственный верный расчёт. Она не отдёрнула руку. Вместо этого её пальцы судорожно вцепились в его мокрую куртку, и она отпустила заслонку собственного балласта.

То, что случилось дальше, не походило ни на одну учебную формулу.

Ледяная волна её Стяжения хлынула через сомкнутые запястья в его горящую кровь, и в то же мгновение боль перекала в груди Кира схлопнулась, сменившись невероятной,

звенящей лёгкостью. Огонь Разгона не жёг больше собственных вен, он пил её стужу, как сухой мех пьёт кузнечный воздух, и отдавал ей обратно ровное, живое тепло, от которого её посиневшие губы дрогнули и впервые за ночь судорожно вдохнули воздух!

Двойной контур замкнулся с тихим, глубоким звоном, от которого задрожала сама вода вокруг их коленей.

По тонкой коже обоих запястий, будто под прозрачным льдом, пробежало тонкое светящееся плетение: синяя нить, перевитая алой. Замок стальной двери впереди вспыхнул белым жаром и в ту же долю секунды треснул от ледяного сжатия, расколовшись на две ровные половины, точно спелый орех!

Струя воды за спиной прорвала ослабевший ледяной щит, но стальная переборка уже распахнулась под напором волны. Поток вынес их обоих в сухой магистральный коридор, прокатив по каменным плитам, и бросил у самой лестницы наверх.

Откашливаясь, с трудом хватая воздух, Кир перевернулся на бок и посмотрел на левую руку. Под разорванным обшлагом рукава тлела и медленно угасала тонкая вязка из двух переплетённых линий, горячая на ощупь, как свежий шрам. В метре от него на четвереньках сидела Варя; мокрые русые пряди прилипли к её бледной щеке, вода стекала с шинели, а под правым рукавом точно так же гасло сине-алое кружево.

Их взгляды встретились. Прежде чем Кир успел сказать

хоть слово, Варя резко, почти в ужасе отпрянула назад на десять шагов, упираясь спиной в лестничные перила.

И в ту самую секунду, когда между ними легло расстояние в десяток шагов, Кира пронзило острой, ледяной судорогой прямо под рёбрами, точно в его собственной груди зашевелился чужой, чудовищно озябший и перепуганный пульс. Он схватился за воротник и согнулся пополам; напротив, у лестницы, Варя точно так же зажала рот ладонью, глядя на него с широко распахнутыми от чистого ужаса глазами.

Сверху, по винтовым ступеням, уже гремели тяжёлые сапоги ночного караула, бежавшего на грохот сорвавшейся воды.

Глава 3. Синий и алый под рукавом

Жёлтый свет штормовых фонарей ударил в коридор за миг до того, как по винтовым ступеням загремели сапоги караула. Варя едва успела отпрянуть к перилам и дёрнуть вниз мокрый обшлаг шинели, пряча правое запястье. Напротив, у сырой ниши, Кир Соболев точно так же метнулся в тень и сжал в кулаке оборванный левый рукав.

Между ними лежало шагов десять, и от этой ширины в груди у Вари ломило так, точно под рёбра загнали тупой ледяной клин. Она прижалась затылком к камню, выпрямила спину и прикусила щёку, чтобы унять стук зубов.

«Ни с места!» гаркнул унтер Свода, сбегая с лестницы с карабином; следом высыпали двое стрелков, а из восточного штрека показался дозорный Кряжа с медным жетоном на ремне.

Из сорванной двери четвёртого кессона всё ещё хлестала вода, заливая плиты по щиколотку. Разбитый фонарь Вари валялся у стены осколками стекла.

«Что здесь рвануло?» рявкнул унтер, переводя взгляд с продрогшей Вари на нахмуренного Кира. «Лосева? И горец?»

«Обрыв верхней перепускной задвижки, господин унтер», отчеканила Варя ровно, пряча дрожь. «При осмотре сорвало резьбу. Дверь захлопнуло гидроударом, клин перекосило.

Пришлось сбросить Стяжение в упор на засов, металл лопнул от перепада».

На чисто расколотый надвое засов она старалась не глядеть. Унтер посветил на раму и повернулся к Киру: «А ты что забыл в северной секции?»

«Дренаж общий на весь пояс», сухо буркнул Кир, вытирая правым рукавом нос, чтобы стереть кровь от перекала. «У нас наверху давление скакнуло. Пошёл на треск, а тут волна из-под двери. Еле отскочил в нишу».

Караульные послали стрелка наверх перекрыть клапан, записали показания и развели обоих по башням. На винтовой лестнице первые ступени дались легко от стужи. Но с каждым пролётом, пока между ней и уходящим на восток Киром росла каменная толща, под грудиной натягивалась тугая ломота. Варя шла прямо, не позволяя себе даже согнуться, пока за спиной стучали сапоги конвоя.

Утро в маленьком лазарете Северной Башни встретило запахом карболки, сушёной мяты и сырого сукна на батарее. Ночью Варя не дала сонному фельдшеру тронуть запястье, заявив, что ушиблась о перила, и перевязала руку сама, туго и чисто. Спала она урывками под двумя колючими одеялами: стоило закрыть глаза, как в груди отдавался чужой, сбивчивый стук сердца с той стороны плаца.

К семи она уже сидела на краю койки полностью одетая. Высокий подвёрнутый ворот тёмно-синего шерстяного свитера скрывал стальную цепочку на шее, сверху лежал сухой

запасной китель, а под тугим льняным бинтом и плотным обшлагом прятался притихший сине-алый шов. Стоило шевельнуть правой кистью, по коже бежало тёплое покалывание, а под рёбрами не отпускала ноющая пустота.

В дверь постучали дважды, негромко и уверенно, и вошёл Всеволод Корсаков. Выглаженный мундир сидел безупречно, светлые волосы блестели, на пальце тускло отсвечивала серебряная печатка. В руках он нёс кружку с парящим травяным отваром.

«Доброе утро, Варя», сказал он тем ровным полутоном, от которого воздух в комнате становился тесным. «Мне сказали, ты отказалась от ванны и сидишь здесь одна. Пей, пока горячий. Чабрец с хвоей, я просил заварить покрепче».

Он сел на табурет рядом и протянул кружку. Варя кивнула, взяла фаянс левой рукой, пряча правую на коленях. Горький горячий отвар немного заглушил тошноту.

«Я читал рапорт», негромко заговорил Сева, глядя на шрам у её виска. «Разбитый фонарь, сломанный запор и этот горец рядом с тобой. Соболев, кажется. Скажи прямо, Варя: он напал на тебя внизу? Трогал твой контур?»

Внутри свело от холодного раздражения. Сева всегда говорил так, будто заранее решил, где поставить вокруг неё забор.

«Никто на меня не нападал», отрезала она, ставя кружку на тумбочку. «Сорвало перепускную задвижку. Я шла по своему участку, он проверял общий дренаж. Клин разорвало

от перепада, когда я ставила ледяную пробку».

«Ты вечно оправдываешь чужую дикость», возразил Сева, подаваясь вперёд. «Я видел на мосту, как он глядел на твой воротник. Если этот горец хоть пальцем задел тебя в темноте, скажи слово. До обеда сядет в карцер».

Вкус лжи смешался во рту с горечью трав. Противно было выгораживать кряжевского наглеца, но ещё противнее чувствовать цепкие руки Севы на каждом своём шаге.

«В рапорте вся правда. Если я потянула кисть, то сама ошиблась в толщине льда».

Сева перевёл взгляд на её правый рукав и плавно протянул руку с печаткой к обшлагу: «Дай хотя бы посмотрю повязку. У тебя рука вздрагивает, не затянула ли туго».

Едва серебро его перстня приблизилось на вершок к ткани, в запястье ударил злой, горячий импульс, точно на том конце связи кто-то резко рванулся от чужой близости. Варя мгновенно спрятала руку за спину и встала с койки.

«Не надо, я сама всё умею перевязывать. Пора в казарму, скоро утренний разбор. Хватит и того, что первый взвод шепчется, будто за Лосевой ходят няньки».

В серых глазах Севы мелькнула холодная, уязвлённая искра, но он сдержался, поднялся и поправил ремень: «Как знаешь. Просто помни, что рядом есть кому защитить твою фамилию».

Едва его шаги стихли в коридоре, Варя подхватила сумку и чёрным ходом спустилась в цоколь башни, в маленькую ар-

тефакторскую мастерскую. Там тянуло теплом от паяльной лампы, пахло канифолью, латунной стружкой и кварцевой пылью. За дубовым верстаком, сдвинув круглые очки на лоб, сидел один Тёма Окунев. Завидев её, он вздрогнул, уронил пинцет на войлок и торопливо задвинул засов.

«Варька! Живая!» выдохнул он шёпотом. «Я утром слышал про кессон... Ты чего бегаешь? Вся белая!»

«Тише», оборвала Варя и выложила левой рукой на бархат свой серебряно-кварцевый камертон. «Проверь частоту, Тёма. Ночью зацепило сбросом, звук плывёт».

Тёма опустил очки на нос, вытер пальцы о фартук, прижал к уху медную слуховую трубку и легонько тронул вилку ударником.

Уже на втором такте его плечи закаменели. Он ударил ещё раз, едва касаясь металла, затаил дыхание и побелевшими глазами уставился на правый рукав Вари. Даже без трубки слышалось, как чистая ледяная нота Стяжения фальшивит: внутри неё дрожал чужой, тёплый медный гул ровно на полтона ниже.

Тёма уронил трубку на стол. Пальцы у него затряслись так, что звякнула баночка с припоем.

«Э-это не вода», прошептал он, заикаясь и оглядываясь на дверь. «Вода давит шаг. А здесь встречный отклик... тёплый. Разгон!»

Прежде чем Варя отдёрнула руку, он перехватил её манжету и отвернул угол белого бинта. При свете лампы сквозь

тёплую кожу блеснула тонкая, перевитая вязка из синей и алой нитей.

Тёма отшатнулся к стеллажу, сбив локтем моток проволоки.

«Парный Контур!» выдохнул он без голоса. «Варь, с кем?! С тем горцем?! Два года назад в Сердцевине две бригады разорвало в пыль на скрутке! Завтра утром на проверке строя майор пойдёт с резонаторной рамкой! Если она запищит при роте, это трибунал в тот же вечер!»

«Успокойся», шикнула Варя, натягивая бинт и рукав на место. «Задвижку подпилили, нас заперло водой, без сброса отдачи оба бы погибли. Мне не нужна паника, Тёма. Скажи, как заткнуть этот шов до утра».

Тёма судорожно глотнул воздух, поправил очки дрожащей рукой и бросился в угол за верстаком. Откатив мешок с тальком, он вытянул старый окованный медью сундук, отпер его ключом с пояса и вытащил из-под пружин свёрток промасленной кожи.

На верстаке холодно блеснули две тусклые серебряные скобы-демпферы: узкие шарнирные полукольца с короткими частыми иглами на внутренней дуге и тугим винтовым барашком сбоку.

«Отец возил на крайний случай», пробормотал Тёма глухо. «Защёлкиваешь на руке и крутишь винт. Иглы сбивают ток, сцепка глохнет. Ломота в груди пройдёт, и рамка майора ничего не почует».

Варя потянулась к металлу, но Тёма сам выдернул свёрток из-под её пальцев. За толстыми стёклами очков стояла настоящая дрожь.

«Не смей брать!» выдохнул он хрипло. «Я видел в Велеграде линейщика из третьей роты после такой скобы! Иглы рвут канал по живому. На руке остаётся глубокая рваная рана по шву, неделями кровит на морозе и не даёт сжать кулак. Хуже другое, Варь! Когда сцепку так рвут, жилы сжимает, и до конца зимы предел силы у обоих падает вдвое! Понимаешь? Вдвое! Завтра на полигоне ты даже учебный ледяной клин не удержишь, свалишься с изморозью. А впереди зачёты в галерее, Веденеева спишет тебя в обоз!»

Варя сжала кулак, глядя на холодные иглы. Потерять половину силы перед зачётами и в крепости, где кто-то подпиливает задвижки, значило сдаться без боя.

«Убери обратно», сказала она твёрдо. «Я не стану калечить контур перед зачётами. Должен быть другой способ утихомирить шов до утра».

Тёма тяжело опустился на табурет, взлохматив волосы под очками.

«На одну-две ночи можно, если днём не тратить силу», прошептал он, глядя в пол. «Надо выровнять перекос всухую. Чтобы вы вдвоём подержали руки над пустым медным накопителем без разряда, пока синий с алым не уйдут в покой. Тогда свечение спадёт и рамка промолчит». Он поднял на неё испуганный взгляд: «Только вам придётся встать

рядом. Над одним сосудом. Где ты найдёшь в крепости сухой медный жбан, чтобы караул не накрыл?»

«Старая турбинная зала под центральной аркой», сразу ответила Варя. «Туда не ходят два года, а дверь с нашего яруса держится на простом штыревом замке. Прикроешь меня вечером, Тёма? После отбоя скажешь дневальному, что я ушла в чертёжную дописывать расчёты».

Тёма долго молчал, потом снял со стены длинный ржавый ключ и вложил ей в левую ладонь.

«Смена постов в десять. Я задержу дневального вопросами про кварц. Но если до полуночи не вернёшься, я пойду за тобой».

До позднего вечера каждая минута тянулась сквозь вату. Правая рука едва держала грифель, а в груди ворочалось чужое злое беспокойство. В начале одиннадцатого, когда в кубрике затихли шаги дежурного, Варя набросила старую шинель прямо поверх тёмно-синего свитера с высоким воротом, сжала в кармане ключ и чёрной лестницей спустилась под плотину.

Она не сговаривалась с Киром. Но стоило отпереть дверь заброшенной турбинной залы и шагнуть в сырую темноту, как ноющая тяга под грудиной сама потянула её к середине зала.

Зала пахла старым маслом, сухим камнем и ржавчиной. Вдоль стен мёртвыми тушами темнели кожухи турбин, а в полосе лунного света из-под свода стоял высокий сухой мед-

ный жбан с позеленевшими заклёпками.

Под сапогом звякнула жестянка. Из-за кожуха полоснул жёлтый луч карманного фонаря.

Из тени шагнул Кир Соболев в расстёгнутой лётной куртке поверх серого свитера. Волосы спутаны, под светлыми глазами залегли тени, левый рукав замотан серой тряпицей.

«Так и знал, что притащишься», бросил он сипло, прикрывая заслонку фонаря и ставя его на край жбана. «Весь день в груди будто горячий булыжник таскал. Еле от Хвата ушёл».

Варя сбросила шинель на ящик, оставшись в тёмно-синем свитере с высоким воротом, и торопливо размотала бинт на правом запястье.

«Думаешь, я рада тебя видеть?» отрезала она. «Зачем полез под мою секцию?»

«Не лез бы, тебя бы уже течением вынесло в устье!» мгновенно вспыхнул Кир, упираясь рукой в медь. «Синяя вся там висела, как утопленник! А у вас в тихой башне шпильки на задвижках пилят!»

«Заткнись!» Варя сдёрнула последний виток бинта, и на бледной коже тут же ярко засветилась сине-алая вязь. «Из-за твоей ночной вылазки я весь день вру старшим и прячу руку! У нас утром проверка строя. Если резонаторная рамка поймает твой отзвук, обоих поставят под конвой!»

Кир криво усмехнулся, сдирая тряпку со своего левого запястья, где узор зажёгся так же ярко: «Думаешь, меня в Во-

сточной похвалят? Власов с утра буравит взглядом, да Яна покоя не даёт. Командуй уже, отличница. Что делать с этой посудиной?»

«Сбросить перекос впустую», коротко ответила Варя, старательно не глядя на старый белый ожог на его ладони и свежие тёмные полосы по руке. «Без камертонов. Встаём рядом, держим запястья над сухим краем и дышим в один такт, пока холод и жар не уйдут в медь поровну».

Узкий проход заставил Кира обойти жбан и встать вплотную к её плечу. От куртки пахло сосновым дымом, железом и канифолью. Варя натянулась, как струна, и вытянула правую руку над позеленевшим ободом. Кир положил свою левую рядом, в ширине мизинца от её кожи. С такого расстояния жар от его пальцев шёл как от нагретой печи.

«На четыре вдох, на четыре сброс», бросила она жёстко. «Не вздумай рвать Разгоном».

Она зажмурилась и попробовала отпустить тонкую струю холода. Но внутри всё ещё кипела обида на Севу, страх перед утром и злость на стоящего рядом парня. Стяжение сорвалось рывком, на кромке меди мгновенно выступила белая корочка инея.

Кир вздрогнул, рванулся жаром в ответ, и между их запястьями сухо щёлкнула колючая искра, больно ужалив обоих.

«Чёрт!» рявкнул Кир, отдёргивая руку. «Ты не сбрасываешь, ты меня в лёд заматываешь! Разожми зубы хоть на вдох, Лосева!»

«А ты не суйся вперёд со своим пламенем!» вскинулась Варя, прижимая обожжённые пальцы к груди. «Опережаешь на пол-удара! Дыши в такт, а не как на пожаре!»

Повисла короткая тяжёлая тишина. Глубоко за каменной стеной глухо гудела зимняя вода Плотины.

Кир отвёл взгляд, покрутил в кармане медную гайку и вдруг опустил плечи. Вся напускная злость сошла с его лица, оставив только серую, человеческую усталость.

«Ладно», тихо выдохнул он. «Давай сначала. Считай вслух, вполголоса. Я подстроюсь».

Он снова протянул левую руку над жбаном. Варя тоже вытянула правую, заставив себя ослабить стиснутые челюсти.

«Раз», прошептала она. «Два... три... четыре».

На выдохе она не стала ломать и считать, просто отпустила ледяную тяжесть из-под рёбер вниз, в пустую медь. На четвёртой доле рядом легло ровное, бережное тепло Кира. Этот тихий, придержанный жар не жёг, как она боялась: Кир словно прикрывал огонёк ладонями, боясь обжечь чужую кожу.

Через десяток вдохов колкое сопротивление исчезло. Старая медь загудела под руками совсем тихо, забирая накопившийся разлад.

И сквозь это ровное дыхание Варя вдруг почувствовала его без всякой брони. Сквозь сажу и колючие слова проступил обычный, вымотанный парень с обожжённой рукой, совсем не похожий на чудовище из басен Севы. Она кожей ощутила, как тяжело ему даётся каждый вдох, как он до дро-

жи боится собственного перекала после старой беды, как бережно держит жар на привязи, чтобы не опалить её. Живое, спокойное тепло, от которого в её озябшей груди впервые со вчерашней ночи стало тихо.

Сине-алый узор на правом запястье Вари поблек, сжался от яркого огня до тусклой, едва видимой нити под кожей. На руке Кира переплетение точно так же уснуло.

«Всё», тихо сказал Кир, не сразу убирая руку, будто сам не верил, что грудь наконец отпустило.

Варя медленно отступила на полшага, глядя на чистую кожу запястья, и наклонилась за бинтом, лежавшим на ящике.

От резкого движения подвёрнутый высокий ворот её свитера сбился набок. Тонкая стальная цепочка скользнула наружу, и в жёлтом свете фонаря прямо поверх тёмно-синей шерсти повис отцовский надколотый медный камертон.

Кир, уже взявшийся за свою повязку, замер с полусогнутой рукой. Свет поймал рыжеватый блеск старой меди и чёткий скол на краю вилки.

В турбинной зале сразу стало холодно, как на ветру. Вся усталость с лица Кира пропала в одно мгновение; брови сошлись к переносице, а янтарные глаза прищурились, переводя взгляд со сломанного стержня на побледневшее лицо Вари.

«Погоди», произнёс он тихо, так, что у Вари замерла и окаменела спина. «Откуда у идеальной дочки Свода медь Разгона?»

Глава 4. Урок холодного счёта

Зуд под левым манжетом начался ещё до рассвета. Стоило опустить руку, как тонкая кожа над запястьем принималась ныть мелко и нудно, как от застрявшей под жилой медной стружки. Прошлой ночью в старой турбинной они с Лосевой кое-как стравили гул, хотя в конце, когда из-под её свитера выскочил тот надколотый медный стержень, она едва не взорвалась новой вспышкой холода и бросила сквозь зубы: «Память об отце, не лезь». А потом ушла обратно за плац, и с каждой сотней шагов сцепка снова принялась тянуть.

Кир сидел на краю нар и молча проклинал эту тянучку. Старый белый рубец на левой ладони беспокоил лишь в сырость, зато свежая сине-алая вязь по левому запястью дёргала при каждом ударе сердца. Он туго перетянул запястье широким промасленным напульсником: раньше Кир носил такой только на рабочей правой, а левую оставлял в простой перчатке. Теперь приходилось прятать руку и от своих.

Данила Хват, затягивая ремень поверх свитера, хмыкнул над жестяной кружкой: «Опять полночи не спал, командир? Под глазами черно, будто сам котёл кочегарил».

«Сквозняк дует», буркнул Кир, сунув в сумку мел и моток медной проволоки.

«Как же, сквозняк», Даня затолкал в ранец свою толстую, закапанную маслом тетрадь. «У синих там, небось, линейки

из чистого серебра. Я вчера об свою страницу руки вытер, так теперь весь край салом светится. Переживут их благородия?»

«Переживут», ответил Кир и закинул сумку на плечо.

В коридоре его остановил дневальный: сотник звал к себе. Кир шагнул в каморку с нарочитой ленцой, хотя в груди неприятно похолодело.

Демьян Власов стоял у заиндевевшего окна; серый свет резал глубокую вмятину над его правой бровью.

«Как там твои дела с тетрадью Лосевой?» негромко спросил сотник, кивая на дверь. «Третьи сутки пошли, Соболев. Ночью с перевала голубь пришёл: ранняя оттепель лезет. Нам к новолунию нужен шифр перепускных колец, а не переглядки на мосту».

Кир сунул здоровую правую руку в карман и привычно крутанул между пальцами медную гайку.

«К синим в башню так просто не влезть, товарищ сотник», ответил он ровно. «На каждой лестнице по двое часовых с кварцевыми щупами. А Лосева не дура, свой дорожный короб под замок убирает. Мне сначала на общих разборах к её столу присмотреться надо».

Власов прихлебнул остывшего отвара и прищурился недобро: «Насмотришься сегодня на черчении при Плотине. Сядешь поближе, выследишь, что она в пенале носит. Не принесёшь толку до конца недели, переведу из твоего взвода двоих толковых к Отрогу. Воронова с Хватом на передовой

как раз пригодятся, там позавчера сапёров выбило».

Зубы у Кира свело, но за спиной стояли Даня и Яна. Отдавать друзей под обстрел он не собирался.

«Понял, товарищ сотник», выдавил Кир. «Не дёргайте людей. Подберусь я к её бумагам».

На Верхнем Плацу мороз щипал щёки, снег под сапогами звенел битым стеклом. Стоило Киру переступить порог огромного каменного чертёжного зала при Плотине, как мелкая заноза в левом запястье сразу погасла. На её место легла ровная тёплая пульсация. Лосева уже была внутри.

Под высокими сводами пахло жжёным мелом, сургучом и сырым камнем. Два ряда дубовых столов тянулись вдоль широкого прохода: слева синие мундиры Свода с серебряным галуном, справа залатанные кожанки Кряжа.

Пока преподавателей не было, в зале гудели. У ближнего края синего ряда ссутулился Тёма Окунев, раскладывая латунные отвесы и протирая очки. Проходя мимо, рослый юнкер Свода с перстнем на мизинце небрежно дёрнул локтем и сбил Тёмин циркуль на плиты.

«Прости, Окунев», лениво протянул юнкер. «Забыл, что твоему батюшке эти винтики в лавке по месяцу точить приходится. Погнёшь иглу, придётся опять гири на базаре паять».

Его приятель заржал в кулак. Тёма густо покраснел и полез под скамью собирать винты.

«Вот шакалы», процедила Яна рядом с Киром, кроша в

кулаке уголь.

А юнкера уже уставились через проход на Даню Хвата, который без стеснения хлопнул на доску свою промасленную тетрадь.

«Гляди-ка, господа», громко кивнул краснощёкий. «Горцы с собой на расчёт блины принесли! У вас там формулы на бараньем жиру пишут?»

Даня сжал кулаки, уже готовый перемахнуть через скамью, но Кир задержал его за плечо и сам подался в проход.

«Зато у нас, благородие, сажи на бумагах меньше, чем у вас пудры на манжетах», звонко бросил он, глядя прямо во главу синего ряда, на Всеволода Корсакова. «Вам с такими чистыми пальчиками только чай на балу мешать, а не затворы крутить».

Столы Кряжа грохнули смехом. Юнкер дёрнулся было вперёд, но Сева едва заметно поднял ладонь с массивным перстнем, и тот замер.

«Соболев», произнёс Корсаков вполголоса, точно осаживал ленивого конюха. «Оставь казарменные шутки для своей башни. Здесь считают, а не лаются».

И в эту секунду вдоль синего ряда прошла Яна, якобы тянувшись к ящику с общим мелом. Поравнявшись с крайним столом, где сидела Варя Лосева, она крутнулась на каблуке и «случайно» толкнула локтем полную фаянсовую чашку чернил.

Густая чёрная волна залила край кальки и брызнула Варе

на правый рукав.

«Ой, прости, благородная», громко ахнула Яна, ухватившись пальцами за правый обшлаг Вари и рывком потянув сукно вверх, к самому запястью. «Дай-ка сотру, а то майору не понравится!»

Кир дёрнул левой рукой ещё до того, как Варя успела вырваться: запястье под ремнём прожгло коротким уколом чужой злости. Варя выдернула локоть раньше, чем манжета задралась, и прижала руку к боку.

«Руки убери, Воронова», отрезала она тихо, и от её тона стихли даже задние столы. Бледный шрам у левого виска стал совсем белым. «Разлила и ступай на место. В твоих тряпках я не нуждаюсь».

Кир перешагнул проход, жёстко перехватил Яну выше локтя и отвёл обратно к своим партам.

«Уймись, рыжая», шикнул он ей в ухо. «Сорвёшь занятие, первой под расчёт пойдёшь».

Яна вырвала руку и глянула на него так остро и зло, что у Кира нехорошо засосало под ложечкой. Но договорить им не дали: тяжёлые двери зала распахнулись.

Вошли майор Веденеева и старший техник Кряжа Жилин в прожжённом кожаном фартуке. Шум умер сразу.

«К делу», сказала Веденеева, бросив сухой взгляд на залитый чернилами угол стола. «Придонная вода в Высокой Чаше за ночь поднялась на полградуса. Если февраль даст оттепель, центральная арка примет лишний ледовый напор.

По вчерашним замерам рассчитать безопасное снятие давления со свода. Срок сорок минут. Без подсказок».

Дежурные раздали листы синей кальки со схемой арки. Тёма молча подсунул Варе чистый запасной лист взамен залитого. Кир и сам взялся за карандаш: считать потоки давления и тепла в Трёх Очагах учили жёстко, и первые три столбца он осилил быстро. Но через двадцать минут поднял глаза и задержался взглядом на Варе.

Она сидела прямо, русая коса сползла на плечо. Тонкий грифель бегал по кальке без пауз. Справочник она не открыла ни разу, только дважды под столом перехватила левой рукой собственное правое запястье.

Не прошло и получаса, как Варя отложила карандаш вдоль линейки и подняла два пальца.

Веденеева и Жилин подошли первыми. Майор пробежала глазами главную таблицу сброса, а старый техник Кряжа нагнулся ниже, тыча загрубевшим пальцем в мелкие пометки на широком левом поле кальки.

«Гляди-ка, Агния Львовна», проворчал Жилин с невольным уважением. «Девка хитро углядела. Если пустить импульс напрямую, как в старой ведомости, волна отскочит от опоры, и при неверном сбросе разряд разорвёт западный свод Плотины. А она здесь на полях целую отводную перемычку вывела».

«Верно, Лосева», кивнула Веденеева, прищурившись на формулу. «Чистый расчёт. Сдадите схему в сводную ведо-

мость».

Прежде чем Варя успела свернуть бумагу, с переднего стола плавно поднялся Корсаков. Он подошёл к ней с той мягкой, барской заботливостью, от которой у Кира заныли зубы, и аккуратно взял её кальку за край, чуть тронув плечо Вари.

«Позволь, Варя, я перепишу начисто для рапорта командованию», произнёс он ровно и громко, чтобы слышали оба ряда. «У тебя рука озябла, да и помарки с поля нужно вынести по форме».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.